
КОГДА МОРЕ ОТСТУПИТ
18+
АЛИСА ВЕРНЕР

Алиса Вернер

"Когда море отступит"

«Автор»
2026

Вернер А.

"Когда море отступит" / А. Вернер — «Автор», 2026

Девятнадцать лет назад младшая сестра Марты исчезла во время шторма. Её тело так и не нашли. Теперь письмо, написанное знакомым детским почерком, зовёт Марту обратно в Семи Ветров.Когда море отступает, под водой открывается Нерея — город несбывшихся жизней, чужих воспоминаний и договоров, за которые приходится платить будущим.Единственный человек, способный провести Марту по его улицам, — Даниэль, загадочный смотритель маяка, знающий о пропаже Лизы гораздо больше, чем говорит.Чтобы спасти сестру и не потерять себя, Марте придётся раскрыть старую семейную тайну, научиться доверять человеку с собственным тяжёлым прошлым и понять, почему настоящая любовь невозможна без свободы выбора.

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Алиса Вернер
"Когда море отступит"

Когда море отступит

Алиса Вернер

В тот день, когда Марта получила письмо от мёртвой сестры, в квартире сломались часы.

Это выяснилось не сразу. Сначала был будильник, который не прозвенел, — точнее, прозвенел, наверное, но Марта его не услышала. Потом был солнечный луч на полу спальни, тёплый и совершенно неуместный в ноябрьское утро. И только когда она пришла на кухню, налила воду в чайник и подняла глаза на настенные часы, оказалось, что стрелки остановились на семи минутах восьмого.

На телефоне было 8:12.

Марта переставила чашку на сухое место, куда не доставал свет, и некоторое время смотрела на часы. Ничего необычного: батарейка могла сесть в любую ночь. И всё же за девятнадцать лет она научилась бояться именно обыкновенных объяснений. Они слишком часто оказывались последним, что человек успевал придумать перед тем, как происходило невозможное.

Она сняла часы со стены, вынула батарейку, покрутила её между пальцами и положила рядом с сахарницей. Часы тикнули один раз — без батарейки. Марта так резко отдёрнула руку, что задела чашку. Чай ещё не был заварен, но вода расплескалась по столу.

— Замечательно, — сказала она пустой кухне.

У неё была работа. К полудню следовало закончить реставрацию свадебной фотографии: три пятна плесени, надрыв у плеча жениха, лицо невесты, почти исчезнувшее под выцветшей эмульсией. На мониторе в кабинете ждали чужие люди, которым она обещала вернуть их прошлое в пригодном для семейного альбома виде. Иногда Марте казалось, что эта профессия была не выбором, а издевательством судьбы.

На холодильнике висел снимок двух девочек на каменном пляже. Марта давно перестала замечать его, но сегодня взгляд сам нашёл жёлтую игрушечную лодку в руках младшей. У лодки не было паруса.

Это неправильно, подумала она.

И тут же разозлилась на себя. Отец приделал парус позже. Конечно. В семье осталось так мало фотографий того лета, что любую подробность можно было перепутать. Воспоминания вообще не были надёжным материалом. Именно поэтому она никогда не дорисовывала на старых снимках того, чего не могла доказать.

Звонок в дверь прозвучал в восемь тридцать.

Курьер, промокший под мелким дождём, вручил плотный конверт кремового цвета. Ни обратного адреса, ни названия отправителя. Только её имя: Марта Сергеевна Ветрова. Буква «М» начиналась с петли, похожей на сердечко, поставленное вверх ногами.

Марта узнала почерк раньше, чем успела осознать, что узнавать его невозможно.

— Кто отправил? — спросила она.

— Не указано. Подпишите здесь.

— А откуда он пришёл?

Курьер посмотрел в телефон. Его усталое лицо не выражало ни интереса, ни раздражения, и это почему-то успокоило её.

— Отметка сортировки есть, адреса нет. Бывает, если печатают старую наклейку. Всё в порядке?

— Да.

Она расписалась. Курьер ушёл, прихватив с собой запах влажной ткани и уличного воздуха. Марта заперла дверь на оба замка, потом на цепочку, хотя уже много лет не пользовалась ею днём.

На столе письмо выглядело маленьким и беззащитным. Ей хотелось немедленно разорвать его — и одновременно накрыть ладонью, будто оно могло исчезнуть. Она достала нож для бумаги, провела им под клапаном и вынула фотографию.

Бухта Семи Ветров. Каменная набережная. Маяк на мысе. Мужчина в тёмном пальто возле железных ворот. На снимке всё было мокрым, словно дождь только что прошёл или ещё не начался. В углу стояли дата и время: 18 ноября 2026 года, 17:43.

Завтра.

Марта перевернула карточку. На обороте было написано: «Не доверяй человеку у маяка. Но без него ты меня не найдёшь».

Ей пришлось присесть. Кухонный стул скрипнул под ней, и она с неожиданной ясностью вспомнила, как Лиза в детстве раскачивалась на таком же стуле, пока мать не стукала ложкой по столу. Лиза всегда обещала перестать, затем забывала обещание через пять минут. Ей было девять — возраст, в котором человек ещё может позволить себе не быть последовательным.

Письмо лежало сложенным вчетверо. Марта развернула его. Внутри оказалось всего несколько строк.

«Ты помнишь, сколько было ступеней. Они снова станут длиннее. Приезжай до заката. Не привози нашу фотографию. И, Марта, если мама скажет, что я умерла, спроси, когда она видела моё тело».

Подписи не было. Но точка после последнего слова была продавлена так сильно, что на обратной стороне листа образовалась маленькая впадина. Лиза нажимала ручкой именно так, когда боялась, что её не поймут.

Марта поднялась к раковине и открыла холодную воду. Бумага в её руке пахла морем. Она не хотела проверять, не оставит ли этот запах следов на пальцах. Ей было достаточно того, что она всё ещё помнила, как выглядела девочка в белой ночной рубашке на двадцать третьей ступени.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось «Мама».

Марта не сразу ответила. В их последнем разговоре мать сказала, что горе стало для неё привычкой, и попросила найти другую тему для жизни. После этого они молчали полгода.

— Ты получила? — спросила мать без приветствия.

Марта обхватила локтем спинку стула.

— Что именно?

— Не заставляй меня произносить это вслух.

— Тогда скажи, кто отправил.

За стеной сосед уронил что-то тяжёлое. Марта услышала, как мать в трубке открывает и закрывает окно. Она всегда так делала, когда пыталась не заплакать.

— Сожги письмо, — сказала мать. — И фотографию. Не оставляй ни клочка.

— Почему?

— Потому что однажды мы уже допустили ошибку.

— Мы? Мне было шестнадцать. Ты велела мне говорить полиции, что Лиза утонула. Я даже не видела, как она вошла в воду.

— Марта…

— Ты видела её тело?

Тишина длилась так долго, что Марта проверила экран. Вызов продолжался.

— Нет, — наконец сказала мать.

Один короткий слог. Девятнадцать лет, которые стояли за ним, невозможно было измерить ничем.

— Почему ты никогда не говорила этого прямо?

— Потому что не найти тело и не найти ребёнка — не одно и то же.

Марта закрыла глаза. Где-то на лестничной площадке смеялись двое детей, бегущих в школу. В любой другой день она не заметила бы этого смеха.

— Я приеду, — произнесла она.

— Нет. Послушай: ты можешь ненавидеть меня сколько угодно, но не приезжай к морю завтра.

— Кто этот мужчина на фотографии?

Мать шумно выдохнула.

— Если он всё ещё там, значит, у нас осталось меньше времени, чем я думала.

Связь оборвалась. Марта перезвонила — сначала один раз, потом ещё три. Телефон матери был выключен.

Она поставила фотографию к банке с кофе и вернулась в кабинет. На мониторе молодая невеста ждала, когда её лицо перестанет быть пятном света. Марта открыла файл, подвела курсор к разрушенному краю снимка и вдруг поняла, что не сможет восстановить ни одного пикселя. Она выключила компьютер.

До Семи Ветров ходил один вечерний автобус. На поезде можно было добраться быстрее, но от станции пришлось бы ехать по старой прибрежной дороге, на которой зимой часто сходили оползни. Марта забронировала билет на поезд, не раздумывая. Страх не исчезал от разумных маршрутов.

Она собрала маленькую сумку: свитер, сменную рубашку, документы, лекарства, зарядку. На дне шкафа обнаружилась коробка, которую она не открывала после переезда. Внутри лежали школьные грамоты, выцветшие записки и железный ключ с синей ниткой на кольце — ключ от дома над бухтой. Мать утверждала, что замки давно поменяли. Марта всё равно положила его в карман пальто.

Перед выходом она подошла к холодильнику.

«Не привози нашу фотографию».

На снимке Лиза смеялась. Её рука лежала на плече старшей сестры, а жёлтый кораблик был прижат к груди. Марта сняла рамку и достала фотографию из-под стекла. Она уже хотела разорвать её, когда заметила на заднем плане чёрный силуэт возле старого волнореза.

Вчера там никого не было.

Она знала это не потому, что помнила каждую подробность снимка. Она знала это профессионально: неделю назад Марта сканировала фотографию, чтобы убрать царапину на небе. В исходном файле волнорез был пуст.

Марта открыла ноутбук, нашла папку «Семья» и дважды щёлкнула по нужному изображению.

На электронном снимке, сделанном со старого отпечатка, мужчина тоже стоял возле волнореза.

Серо-чёрный, неподвижный, с серебряной точкой на безымянном пальце.

Марта всмотрелась, пока глаза не заслезились. Потом отодвинула ноутбук и впервые за много лет сказала вслух то, чего боялась больше любого ответа:

— Лиза, где ты?

В квартире никто не ответил.

Но настенные часы, лежавшие на кухонном столе без батарейки, снова пошли.

Их стрелки показывали 7:08.

⁂

На следующий день к вечеру дождь почти прекратился. Поезд шёл вдоль берега, иногда ныряя в тоннели, и каждый раз, когда за стеклом снова возникало море, Марта ловила себя на том, что считает секунды до появления маяка. Она не бывала здесь девятнадцать лет. За это время успели построить новый вокзал, снести рыбный рынок и заменить старые столбы освещения. Но линия воды оставалась такой же — по крайней мере, пока она смотрела издалека.

На платформе пахло дизелем, мокрым камнем и жареными каштанами. В такси водитель узнал фамилию Ветрова. Спросил, не родственница ли она Сергею, который когда-то работал в гавани. Марта сказала, что дочь. Водитель замолчал и больше не спрашивал о семье.

Город встречал её не враждебно, а равнодушно. От этого было хуже. Вывески сменились, магазин игрушек закрылся, вместо него открыли аптеку. У школьных ворот стояла новая ограда. Даже их дом казался меньше: серый фасад, узкий балкон, крыша, которую мать так и не покрасила.

Марта вышла из такси раньше, чем водитель успел предложить подвезти к двери.

На телефоне было 17:21. До времени на фотографии оставалось двадцать две минуты.

Она не стала входить домой. Повернула к набережной, где ступени спускались к чёрной воде, и пошла быстрым шагом. Ветер тащил по камням клочки водорослей. Чайки кружили низко и молча. Из гавани раздавался металлический стук, привычный и бесконечно чужой.

У маяка стоял человек в тёмном пальто.

Он был выше, чем казалось на фотографии, и держал руки без перчаток, хотя ветер пробирал до костей. Волосы у него были тёмные, с серебром у висков. На вид — чуть больше тридцати пяти. Не призрак и не чудовище; просто усталый мужчина, который слишком долго не спал.

Марта остановилась в нескольких шагах.

— Даниэль Вейл? — спросила она, прочитав имя на табличке у ворот маяка.

Он повернулся, и она увидела кольцо. Тонкое, серебряное, на безымянном пальце правой руки.

— Марта Ветрова, — сказал он. Не вопросительно.

— Вы меня ждали?

— Я надеялся, что вы не придёте.

— Странный способ встречать человека.

— Я давно разучился встречать людей правильно.

Она достала из кармана фотографию завтрашнего — теперь уже сегодняшнего — дня и показала ему. Даниэль побледнел. Не от того, что увидел себя, а от даты под изображением.

— Кто вам это дал?

— Лучше спросите, кто сделал снимок.

— Марта, сейчас не время спорить.

— Тогда отвечайте: вы знаете, где моя сестра?

Он посмотрел за её плечо, туда, где за набережной начиналась лестница. В этот миг далеко внизу что-то зазвенело, словно стеклянная посуда в пустом доме. Марта обернулась. По поверхности моря пошла тонкая светлая полоса. Вода отступала — не волной, не приливом, а будто её медленно оттягивали невидимой рукой.

— Не смотрите на огни, — сказал Даниэль.

— Какие огни?

За линией отступающего моря один за другим зажглись окна.

Даниэль схватил её за запястье, но почти сразу отпустил.

— Простите. Я не должен был вас касаться. Вы можете уйти. Пока ещё можете.

Марта посмотрела на него. На кольцо. На лестницу, у которой снова появлялись лишние ступени.

— Девятнадцать лет мне говорили уходить, — произнесла она. — Сегодня я остаюсь.

На часах телефона сменились цифры.

17:43.

И из города под водой донёсся детский смех.

Детский смех прозвучал так близко, будто кто-то прятался под каменными ступенями. Марта сделала шаг к парапету. Даниэль встал на её пути, заслонив лестницу.

— Если это Лиза, — сказала она, — вы не удержите меня здесь.

— Если это Лиза, вам тем более не следует идти на голос.

Ему было на вид около сорока, хотя лицо казалось моложе, чем взгляд. Ветер трепал воротник его пальто. На правой скуле белел тонкий старый шрам. Он смотрел не на Марту, а на мокрые камни у её ног.

— Вы знали её? — спросила она.

— Да.

Одно короткое слово разозлило сильнее любых оправданий.

— Тогда почему молчали девятнадцать лет?

— Потому что ваш отец велел мне молчать.

Марта отшатнулась. Отец умер четыре года назад, и всё это время она думала, что последнюю правду о Лизе унесло в могилу его молчание. Она видела, как он старел после шторма, как начинал говорить и обрывал фразу, едва мать появлялась в дверях. Но никогда не слышала от него имени Даниэля Вейла.

За спиной смотрителя маяка море продолжало отступать. На песке проступала булыжная мостовая. Вода стекала между камнями, уходила в канавы, которых секунду назад не было, и над затопленной площадью поднимался туман. Дальше возникали фасады домов, ни один из которых не отражался в оставшейся воде.

— Отец знал, где она? — спросила Марта.

Даниэль не ответил сразу.

— Он знал, почему она ушла.

Это было хуже, чем признание. Марта представила отца за кухонным столом, его тяжёлые руки, чашку с остывшим чаем; представила, сколько раз он мог сказать ей правду и не сказал.

— Вы проводите меня туда, — произнесла она.

— Я не могу проводить вас дальше рыночной площади.

— Значит, проводите до площади.

Он достал из кармана часы на цепочке. Стрелки стояли на одиннадцати минутах шестого. Марта показала экран телефона: 17:44.

— Ваши часы сломаны.

— Здесь они всегда показывают одно и то же время. Это мне полезнее, чем вам кажется.

Он протянул ей тонкий моток красной нити.

— Обвяжите запястье. Идти будем вместе. Отвечайте только на вопросы, которые я задам вам сам. Если кто-нибудь назовёт вас по имени, не оборачивайтесь.

— Вы слышите себя? Зачем этот спектакль?

— Потому что здесь можно потерять не только жизнь.

Он сказал это тихо, не стараясь испугать. Именно поэтому Марта взяла нить. Она обвязала её вокруг левого запястья. Даниэль затянул узел, оставив между ниткой и кожей ширину пальца.

— Не слишком туго, — пояснил он. — Иначе потом не снимете.

— А потом я смогу снять?

Он опустил глаза.

— Постараюсь сделать так, чтобы смогли.

Они начали спускаться. На семнадцатой ступени Марта остановилась, как у края крыши. Ниже был восемнадцатый камень, гладкий и сухой. В девятнадцать лет она не верила в сказки.

В тридцать пять уже знала, что люди могут многое назвать сказкой, если это помогает им не отвечать за свои поступки.

Она поставила ногу на восемнадцатую ступень.

Ничего не произошло.

— Видите? — сказала она, почти с вызовом.

— Я вижу.

Но когда Марта оглянулась, набережная оказалась дальше, чем должна была. Фонари наверху горели размытыми кружками; силуэт маяка выглядел нарисованным на стекле. Оттуда донёсся телефонный звонок. Марта машинально потянулась в карман, однако её телефон молчал.

— Это не ваш звонок, — сказал Даниэль.

На двадцать третьей ступени Марта остановилась вновь. Здесь стояла Лиза в ту страшную ночь. Марта опустилась на корточки. Между камнями застрял голубой осколок стекла, округлый, будто обточенный десятками лет приливов. Она подняла его.

Осколок был тёплым.

— Не берите ничего с лестницы.

— Это просто стекло.

— Здесь нет просто стекла.

Она хотела возразить, но в голубой глубине осколка увидела кухню их старого дома. Мать стояла возле раковины, молодая, в том платье, которое Марта помнила по дню рождения Лизы. За столом сидели две девочки — сама Марта и сестра. Лиза смеялась, размахивая ложкой. Потом взрослая Марта в осколке повернула голову и посмотрела прямо на неё.

Марта уронила стекло. Оно ударилось о ступень, но не разбилось.

— Что это было?

— Возможность, которая не случилась, — сказал Даниэль. — Или которую кто-то отменил. Не пытайтесь выяснить разницу сейчас.

Снизу потянуло свежим хлебом и мокрой известью. На краю города зажглись фонари. Они были разной высоты: длинные железные столбы рядом с деревянными шестами, на которых висели стеклянные банки со свечами. Марта увидела вывеску булочной, затем небольшую аптеку и мокрую стену театра с афишей без букв.

На площади, куда выходила лестница, стояла женщина в сером плаще. Она прижимала к груди корзину, накрытую полотенцем. Когда Марта подошла ближе, женщина улыбнулась.

— Наконец-то, Марточка. Я думала, ты не успеешь к ужину.

Голос принадлежал бабушке. Бабушка умерла, когда Марте было двенадцать.

Марта судорожно втянула воздух.

— Бабушка?

Рука Даниэля легла ей на локоть.

— Смотрите на меня.

Но женщина уже поднимала полотенце. В корзине лежали круглые булочки с маком, те самые, что бабушка пекла по воскресеньям. Марта вспомнила запах тёплого теста, жёлтые кухонные занавески, осторожные руки, вплетавшие ей в волосы красную ленту. Воспоминание оказалось таким ясным, что боль от потери вдруг сделалась новой.

— Она настоящая? — прошептала Марта.

— Настоящее здесь не означает того же, что наверху.

Бабушка перестала улыбаться. Её лицо осталось прежним, добрым, но глаза потемнели.

— Марта, ты же обещала приходить чаще, — сказала она. — Почему не пришла в больницу в тот последний день?

Марта почувствовала, будто ступень ушла из-под ноги. Об этом никто не знал. В последний день бабушкиной жизни она испугалась больничного запаха, солгала матери, что у неё болит горло, и осталась дома. Потом годами объясняла себе, что была ребёнком.

— Я не могла, — выговорила она.

— Могла, — ответила женщина. — Но не пришла.

Даниэль резко потянул красную нить. Узел обжёг запястье, и воспоминание рассыпалось на простые вещи: мокрый камень, солёный ветер, шорох плаща. Женщина с корзиной исчезла. На её месте осталась лужа, по которой расходились круги.

— Она знала то, о чём я никому не рассказывала.

— Нерея умеет задавать вопросы голосами тех, кому вы не смогли ответить при жизни.

— Нерея?

— Так называется город.

Марта произнесла имя про себя. Оно будто отзывалось в зубах лёгкой болью.

— Он был построен здесь раньше нашего города?

— Нет. И да. Не задавайте пока вопросов, на которые нельзя ответить одним временем.

В противоположном конце площади стояли часы на башне. У них было три циферблата. На одном стрелки двигались вперёд, на другом — назад. Третий оставался пустым, без стрелок. Под ним кто-то мелом написал: «ЧУЖОЕ ЗАВТРА НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ».

Марта остановилась у надписи.

— Это предупреждение?

— Для большинства — да.

— А для остальных?

— Для остальных это цена.

Из двери бывшей аптеки вышел мальчик лет восьми. На нём была школьная форма, какая давно вышла из моды. Он нёс в ладонях деревянную птицу с обломанным крылом. Увидев Даниэля, мальчик побледнел и шагнул обратно, но не успел: дверь за ним закрылась и исчезла вместе с вывеской.

— Господин Вейл, — сказал он, — я не хотел брать её снова.

— Ступай домой, Оскар.

— У меня больше нет дома.

Мальчик показал птицу. В воздухе вокруг неё дрожала тонкая золотая пыль. Даниэль опустился перед ним на одно колено.

— Тогда иди к колодцу у западной стены. Скажи госпоже Эде, что я разрешил переночевать в её мастерской. И не открывай птице второе крыло.

Мальчик кивнул и побежал через площадь. Марта проследила за ним взглядом.

— Что это значит — «второе крыло»?

— Он уже однажды купил себе утро, которого у него не было. Если попробует ещё раз, лишится того, кто его помнит.

— Вы говорите так, словно утро можно купить в магазине.

— В Нерее покупают не время, а чужие возможности.

— Чьи?

— Иногда тех, кто об этом не узнает. Иногда тех, кто слишком поздно поймёт, что потерял.

Марта подумала о письме. О том, как дата завтрашнего дня оказалась на фотографии вчера. О матери, которая знала об опасности. О Лизе, исчезнувшей на двадцать третьей ступени.

— Значит, сестра могла купить себе жизнь?

Даниэль выпрямился.

— Не здесь. Не так. И не в девять лет.

— Вы опять отвечаете половиной правды.

— Полная правда может привести вас к месту, из которого я уже не выведу.

— А ваша полуправда привела Лизу сюда девятнадцать лет назад?

Он принял удар без возражений. Только провёл пальцем по серебряному кольцу, будто проверяя, на месте ли оно.

— Да, — сказал он.

Марта ожидала объяснений, но услышанное «да» оказалось тяжелее рассказа. Она отошла на несколько шагов, прежде чем поняла, что нить между ними натянулась. Даниэль не удерживал её рукой; другой конец был привязан к его запястью. Он позволил ей уйти на всю длину нити.

— Зачем вы её взяли? — спросила Марта.

— Я не брал Лизу.

— Я видела вас на лестнице.

— Я пытался её остановить.

— Она протянула вам руку.

— Потому что боялась того, кто стоял за мной.

Марта невольно посмотрела ему за плечо. Площадь оставалась пуста, но из окон соседних домов один за другим начали выглядывать люди. Их лица были неподвижны. Они смотрели на Марту так, как зрители смотрят на актрису, забывшую свой выход.

— Кто стоял за вами?

— Ответ вы уже однажды слышали, — сказал Даниэль. — Просто тогда вам было шестнадцать, и вы не поняли.

Над площадью прокатился звон. Сначала один удар. Затем второй, третий. Все три циферблата башенных часов потемнели.

Даниэль оглянулся на лестницу.

— Нам надо уходить.

— Куда?

— К маяку. Там ещё действует старый договор.

— Я только что пришла.

— Именно поэтому вы ещё можете уйти живой.

В окне верхнего этажа зажёгся свет. За стеклом стояла девочка с тёмными волосами. Она держала маленький жёлтый кораблик, белый парус которого был испачкан красным.

Марта увидела её прежде, чем Даниэль успел повернуть голову.

— Лиза!

Девочка подняла свободную ладонь и приложила палец к губам. Потом медленно написала на запотевшем стекле три слова.

«НЕ ВЕРЬ ЕМУ».

Марта рванулась через площадь. Красная нить натянулась и лопнула.

В тот же миг город перестал шуметь. Погасли фонари. Замолчал колокол. Даже ветер исчез, оставив после себя такую тишину, что Марта услышала собственный пульс.

Даниэль не двинулся следом. Он стоял там, где остался оборванный конец нити, и смотрел на пустое запястье Марты с выражением человека, который слишком поздно заметил открытую дверь.

— Марта, — произнёс он, почти беззвучно. — Теперь вы должны решить, чьё имя назовёте первым.

С той стороны площади ответил второй голос, женский и очень спокойный:

— Она уже решила. Иначе город не впустил бы её.

Из темноты под аркой вышла женщина в белом пальто. Её волосы были заплетены в косу, лицо казалось удивительно знакомым.

Марта узнала эти глаза сразу.

Она видела их каждое утро в зеркале.

— Здравствуй, — сказала женщина. — Я та Марта, которая не позволила Лизе уйти.

⁂

— Не позволила? — переспросила Марта.

Женщина в белом пальто кивнула. Она стояла под аркой так неподвижно, что дождевые капли, сорвавшиеся с её воротника, казались единственным движением на всей площади.

— Я схватила её за руку на двадцать третьей ступени. Не отпустила, даже когда поднималась вода. Потом проснулась в собственной постели. Лиза спала за стеной, мама готовила завтрак, отец сердился, что мы обе пропустим школу. Всё было так, как ты потом представляла тысячу раз.

У Марты свело горло. Она слышала слова, которые сама повторяла бессонными ночами: если бы я удержала её. Иногда она произносила их вслух, иногда записывала на листке и рвала бумагу, пока пальцы не начинали болеть.

— Значит, ты счастлива? — спросила она, прежде чем успела подумать, насколько странно задавать такой вопрос самой себе.

Двойница не ответила. При тусклом свете фонаря стало заметно, что её белое пальто застёгнуто неправильно: третья пуговица проходила в четвёртую петлю. Марта делала так в детстве, когда торопилась. Взрослой она всегда возвращалась и исправляла ошибку.

— Ты умеешь готовить? — вдруг спросила двойница.

— Что?

— Лиза терпеть не может пережаренный лук. Сначала ты это помнишь. Потом однажды забываешь, и она молча отодвигает тарелку. Ты обижаешься, потому что устала после работы. Она говорит, что ты стала похожа на мать. Вы ругаетесь из-за лука, хотя на самом деле обе боитесь совсем другого.

Женщина улыбнулась, но улыбка не дошла до глаз.

— У тебя в голове сестра всё ещё девятилетняя. У меня она стала взрослой. Иногда она уезжает и месяцами не звонит. Иногда лжёт. Иногда говорит вещи, которые нельзя простить за один вечер. И я всё равно люблю её. Только в моей жизни любовь не может исправить остального.

— Чего остального?

— Идём. Покажу.

Женщина протянула руку. На её запястье краснел тонкий след от верёвки. Марта вспомнила лопнувшую нить, обернулась к Даниэлю. Он стоял у края площади, не приближаясь. Когда их взгляды встретились, он отрицательно покачал головой.

— Не ходите с ней за арку, — сказал он. — Внутри воспоминания начинаются с того, что человек считает самым желанным, а заканчиваются тем, что он согласился не замечать.

— Это она? — спросила Марта.

— Она — настоящая возможность. Но не настоящее прошлое. Разница здесь стоит очень дорого.

Двойница рассмеялась — коротко, почти нежно.

— Он говорит так, будто ты обязана понять. Спроси, сколько раз он сам открывал дверь, зная цену.

Даниэль побледнел. Марта заметила это и поняла, что женщина ударила точно. Его пальцы машинально коснулись серебряного кольца.

— Сколько? — спросила Марта.

— Один раз, — ответил он. — Этого хватило.

— Для чего?

— Чтобы я перестал считать себя человеком, которому можно доверять без доказательств.

На мгновение Марте показалось, что это первый честный ответ, который он дал ей за весь день. Но двойница уже повернулась и пошла к арке.

Марта последовала за ней.

За проходом оказалась узкая улочка с мокрыми булыжниками. В окнах горел тёплый свет. Из одного дома доносилась музыка, в другом спорили о том, сколько соли положить в суп. Воздух пах дрожжевым тестом и табаком. Всё здесь было до такой боли обыкновенным, что Марта захотела заплакать.

В конце улицы висела вывеска: «Мастерская Ветровой». В витрине стояли старые фотографии. На одной из них мать была молодой, а отец — живым. Возле них смеялась взрослая Лиза, высокая, с короткими волосами.

Марта приблизилась к стеклу. На соседнем снимке та же Лиза держала за руку маленького мальчика. Под фотографией была написана дата, относящаяся к будущему. Чуть ниже стояла другая рамка — с портретом самой Марты и чёрной лентой в углу.

— Почему здесь моё фото? — спросила Марта.

Двойница остановилась у витрины. Её плечи опустились.

— Ты хотела знать, счастлива ли я. В первое утро после той ночи я была счастлива. Потом наступил следующий день. Потом следующий. Мы росли, ссорились, любили, ошибались. Я берегла Лизу так яростно, что перестала слышать, чего она хочет. Мне казалось, если хоть раз не отвечу на её звонок, море вернётся за ней.

Она приложила ладонь к стеклу. В отражении на секунду появились не две женщины, а одна: Марта в тёмном пальто, стоящая перед собственной фотографией в траурной раме.

— И что случилось? — тихо спросила Марта.

— Когда пришло время платить, я попыталась заплатить сама. Но у этого города нет счёта, на котором можно поставить только свою подпись. Он берёт то, чего коснётся твой выбор. Я хотела удержать сестру. Вместо этого сделала её должницей.

Из-за поворота донеслись быстрые шаги. По улице бежала девочка лет десяти с двумя косами. Двойница резко схватила Марту за локоть и увела в тень. Ребёнок пробежал мимо, не заметив их. У неё было лицо Лизы.

— Почему она маленькая? — прошептала Марта. — Ты сказала, что она выросла.

— Потому что этот город показывает не то, что случилось, а то, что тебе сейчас нужнее увидеть. Если ты начнёшь верить каждому окну, он получит право решить за тебя, какой из дней оставить.

Двойница разжала пальцы. На рукаве Марты остались четыре мокрых пятна.

— Я пришла не затем, чтобы забрать твою жизнь, — сказала она. — Я пришла предупредить: здесь можно выбрать счастливое воспоминание вместо настоящего человека. И выбор будет казаться милосердным.

— Тогда помоги мне найти Лизу.

— Я могу привести тебя к месту, где хранятся имена. Но дальше пойдёшь сама. Меня туда не впустят второй раз.

Они вернулись на площадь другой дорогой. Пока шли, Марта пыталась выстроить в голове сказанное: существовала жизнь, где сестра осталась с ней, но её цена не была выплачена до конца; существовал Даниэль, который уже однажды выбрал за другого; существовал город, где желание могло выглядеть как доказательство. Всё это не давало ни одного ответа на самый простой вопрос: где сейчас её Лиза?

Даниэль ждал у дверей каменного здания. Он не спросил, что показала двойница. Вместо этого достал из кармана узкий платок и протянул Марте. Только тогда она заметила, что сильно расцарапала ладонь, вцепившись в металлическую ограду у витрины.

— Вы могли пойти за нами, — сказала она.

— Мог. Но тогда вы подумали бы, что я выбираю, чему вам верить.

— А вы не выбираете?

— Постоянно. Поэтому и стараюсь хотя бы иногда останавливаться.

Марта взяла платок. На ткани пахло дождём и старой бумагой. Даниэль осторожно придержал её руку, пока она обматывала ладонь, и отпустил прежде, чем прикосновение стало похожим на обещание. Неожиданно это тронуло сильнее любых заверений.

Двойница стояла в нескольких шагах. Белизна её пальто тускнела вместе с возвращавшимся светом фонарей.

— Не ищи жизнь, где ты никогда не ошибалась, — сказала она Марте. — Такой жизни не было ни у одной из нас.

— Как мне тебя называть?

Женщина задумалась.

— Никак. Я не хочу отнимать у тебя имя.

Она отступила под арку. Ветер прошёл по площади и унёс последние капли с её рукавов. Когда Марта моргнула, женщина исчезла. На мокрой брусчатке остались следы, ведущие к стене и обрывающиеся перед ней.

На ступенях каменного здания сидел мальчик в ботинках не по размеру. Он пытался завязать шнурок, но пальцы не слушались. Нос у него был красным от холода, а на мокрой рубашке виднелась вышитая синяя птица.

Марта остановилась. Даниэль уже взялся за ручку двери, но, заметив мальчика, убрал руку.

— Ты чей? — спросил он.

— Мамин, — ответил мальчик и посмотрел на Марту с той деловитой серьёзностью, какой дети прикрывают страх. — А вы умеете считать назад?

— Смотря откуда.

— От двенадцати. Мне велели, пока досчитаю, не вставать.

— Кто велел?

Мальчик пожал плечами. По дорожке тянулась мокрая нитка; она выходила из рукава его рубашки и уходила под тяжёлую дверь. На каждом ударе невидимых часов нитка вздрагивала.

— Мы пойдём, — негромко сказал Даниэль.

— Он останется здесь? — Марта не узнала собственный голос.

— Если мы сейчас войдём, да.

Она присела рядом. Камень оказался холоднее ноябрьского ветра. На внутренней стороне запястья мальчика были написаны чернилами две строчки: «Двенадцать минут тишины. За одно утро без боли».

— Как тебя зовут?

— Тим. Только мама зовёт Тимошей, когда не сердится. Она долго болела. А сегодня улыбалась и сказала, что мы поедем к морю. Потом пришёл мужчина с чемоданом и сказал, что за хорошее утро надо расплатиться. Я сперва подумал, у нас нет денег.

Марта осторожно коснулась надписи. Чернила не размазывались.

— И что ты ему сказал?

— Что могу отдать свой день рождения. Я всё равно не люблю, когда все смотрят. Но он сказал, что день рождения не подойдёт. Ему нужно, чтобы мама забыла мой голос.

У Марты пересохло во рту.

Даниэль опустился на корточки по другую сторону мальчика.

— Тим, посмотри на меня. Если ты сейчас услышишь маму за дверью, не открывай. Она не там.

— Но мне сказали, что там она перестанет плакать.

— Возможно, — ответил Даниэль. — Только потом она не узнает, почему ей больше не больно. И тебя не узнает.

Мальчик стал расправлять шнурок, хотя тот уже лежал ровно.

— А можно, чтобы она не болела и помнила меня?

Вопрос повис между ними, как звук, которому не давали затихнуть. Марта вспомнила, сколько раз в юности просила о точно таком же чуде: вернуть Лизу и оставить всё остальное нетронутым. Ей никогда не приходило в голову, что для чуда могут потребовать чужую память.

Из-за двери послышалось пение. Женский голос пел колыбельную очень тихо, сбиваясь на последних словах. Тим рванулся к ручке.

— Мама!

Даниэль не удержал его силой. Он подставил ладонь между детской рукой и железом — и нитка, шедшая из рукава, мгновенно обвилась вокруг его пальцев. Мужчина резко побледнел. На секунду показалось, будто у него на лице прибавилось десять лет.

— Прекрати! — Марта схватила его за плечо.

— Уведи мальчика. К часовой лавке. Там не умеют отказывать в помощи детям.

— А ты?

Он попытался улыбнуться.

— У меня есть запас времени.

Марта впервые увидела, насколько бессмысленной была эта фраза в городе, где время превращали в товар. Нитка потемнела, а на его запястье выступил узкий след, словно от туго затянутой проволоки.

— Нет, — сказала она. — Мы не будем платить за чужую жестокость тем же способом.

Она вспомнила слова двойницы: город показывает не случившееся, а то, что человеку сейчас нужнее увидеть. Значит, песня за дверью могла быть приманкой. Но надпись на руке Тима была настоящей — и её смысл тоже.

— Тим, — спросила Марта, — когда мама пела тебе эту песню в последний раз?

— Вчера. Она забыла второй куплет и рассердилась.

— А голос за дверью его помнит?

Мальчик прислушался. Пение стало громче. Женщина за дверью безошибочно пропела второй куплет, которого мать не могла вспомнить уже несколько лет.

— Это не мама, — прошептал Тим.

Нитка дёрнулась. Даниэль пошатнулся, но удержался на ногах.

Марта вытащила из сумки карандаш, которым обычно помечала повреждения на старых фотографиях, и на свободной части запястья мальчика написала: «Тим помнит маму. Мама помнит Тима». Буквы вышли неровными.

— Здесь ничего не дают просто так, — произнесла она в сторону двери. — Но и вы не можете забрать то, на что вам не дали согласия. Он ребёнок. Он не заключал сделку.

Пение оборвалось. За дверью что-то тяжело передвинули.

Нитка с пальцев Даниэля сползла на камень и превратилась в узкую полоску морской травы. Чернильная надпись на руке Тима потускнела. Мальчик заплакал не сразу — сначала посмотрел на них недоверчиво, потом вдруг уткнулся Марте в плечо и затрясся.

Даниэль прислонился к стене. Он дышал медленно, будто учился делать это заново.

— Почему ты не сказал, что так можно? — спросила Марта.

— Потому что не знал. — Он посмотрел на её карандаш. — Я слишком долго привыкал выбирать, какой долг выплатить первым. И перестал спрашивать, был ли долг вообще.

Марта подняла Тима за руку. Они отвели его к лавке часовщика на соседней улице. Там женщина в толстом вязаном жилете узнала вышитую птицу на его рубашке, крепко обняла мальчика и обещала найти его мать до следующего удара колокола. Тим, уже уходя, обернулся и попросил Марту записать ему первый куплет колыбельной — на всякий случай.

Когда они вернулись к библиотеке, дверь стояла приоткрытой. Внутри не было слышно ни пения, ни шагов.

— Ты мог остаться без своих лет, — сказала Марта.

— Мог.

— И всё равно подставил руку.

Даниэль не ответил сразу. На коже у него осталась тонкая красная борозда.

— Девятнадцать лет назад я стоял перед другой девочкой, — сказал он. — Тогда мне казалось, что если я просто выполню правила, всё обойдётся. Не обошлось.

Марта не стала говорить, что прощает его. Она ещё не знала, за что именно должна была бы простить. Но когда он открыл дверь, она вошла рядом с ним, а не вслед за ним.

⁂

Внутри пахло сырой кожей переплётов, железом и чем-то сладким, напоминающим яблоки, забытые на зиму в закрытом погребе. Марта ожидала увидеть большой читальный зал, но сначала они попали в тесную прихожую. Вдоль стен стояли стойки для мокрых зонтов. С одного из крючков свисало детское пальто, зелёное, с отпоротой пуговицей. Под ним темнела лужица, хотя капель с ткани не падало.

— Здесь тоже принимают плату? — спросила Марта.

— Здесь её записывают, — ответил Даниэль. — И иногда переписывают задним числом.

В глубине прихожей висело зеркало. Марта увидела в нём себя — измученную, с мокрыми волосами и красной полоской на запястье. Но за её плечом не отражался Даниэль. Там стоял мальчик лет десяти, с прядью светлых волос на лбу. Он смотрел прямо в зеркало, а когда Марта обернулась, за спиной никого не оказалось.

— Ты его видел?

Даниэль не стал делать вид, что не понял вопроса.

— Это мой брат, — сказал он. — Только не смотри больше туда. Нерея показывает то, за что человек согласился бы заплатить прежде, чем успел подумать.

Марта вновь повернулась к зеркалу — и заставила себя отвернуться прежде, чем успела найти в нём Лизу.

За второй дверью находился настоящий зал. Под тяжёлым стеклянным потолком тянулись ряды столов, каждый с лампой под зелёным абажуром. Свет шёл не от ламп, а из самой воды за стеклом: над ними медленно проплывали большие тёмные тени. Впервые Марта остро почувствовала, что находится не в городе, построенном на дне после отлива, а в городе, который всё ещё оставался под морем. Вода снаружи не исчезла. Она лишь дала им коридор.

У стола выдачи лежал журнал. На первой странице аккуратным почерком было выведено: «Книги выдаются живым. Возврат — по истечении возможности». Следом шли десятки фамилий. Некоторые были перечёркнуты, некоторые окружены тонкой чернильной рамкой.

— Не открывай ничего, на чём нет даты, — сказал Даниэль.

— Ты умеешь разговаривать иначе, чем запретами?

— Умею. Когда мы выйдем, попробую.

Она хотела съязвить в ответ, но заметила, как он держится за край стола. Красная борозда, оставшаяся после спасения Тима, уже не выглядела царапиной. Кожа вокруг неё была серой, будто старая бумага.

— Покажи руку.

— Времени мало.

— Поэтому покажи сейчас.

Он послушался. Полоса шла от запястья к локтю. Под кожей словно проступили бледные цифры: три, затем два, затем опять три. Марта осторожно коснулась его предплечья.

— Это годы?

— Возможно. Нерея не слишком аккуратна в расчётах.

— Ты мог сказать мне раньше.

— И ты остановила бы меня?

— Я хотя бы знала бы, что происходит.

Даниэль наконец посмотрел на неё, и в его лице впервые не было привычной сдержанности.

— Ты права. Я слишком часто называю молчание защитой, когда на самом деле боюсь услышать ответ.

Из дальнего угла раздалось шуршание страниц. За библиотечным столом сидела женщина в строгом платье. Лицо у неё казалось совершенно обыкновенным, пока Марта не попыталась запомнить его: глаза расплывались в памяти, нос менял форму, а рот оставался только красноватой линией.

— Читатели Ветрова и Вейл, — произнесла женщина, не поднимаясь. — Вход разрешён. Одна запись на каждого. Книги не выносят из зала.

— Нам нужен архив последнего прилива, — сказал Даниэль.

— Обычный читатель ищет ответ. Вы ищете разрешение изменить вопрос.

Женщина провела длинным пальцем по каталожной карточке, которая сама выскользнула из ящика. На ней стояло имя: «ВЕТРОВ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ». Марта шагнула вперёд.

— Мой отец умер четыре года назад.

— Здесь это не возражение, — ответила библиотекарь.

Карточка раскрылась, как сложенная гармошкой бумага. На внутренней стороне проступили две строки. Первая: «Просьба: сохранить жизнь старшей дочери». Вторая: «Предложенная плата: не определена».

Марта почувствовала, будто воздух выбили из лёгких. Она прочла ещё раз, медленно, по слогам.

— Нет. Отец не мог.

— Просьба подана, — сказала женщина. — Сделка не завершена. Поручительство принято третьим лицом.

Палец библиотекаря переместился к следующей строке. Там значилось: «ВЕЙЛ ДАНИЭЛЬ. СРОК — ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ».

Марта обернулась к нему.

— Ты знал.

— Я знал, что он обратился к городу, — ответил Даниэль. — Не знал, на чьё имя составлена запись, пока не увидел тебя на лестнице.

— И ты взял долг на себя?

— Я попытался остановить обмен. Нерея согласилась отсрочить его, если кто-то останется сторожить дверь. Тогда мне казалось, что девятнадцати лет хватит, чтобы найти выход.

— А Лиза?

Слова дались с трудом. Марта смотрела в одну точку, на крошечную чернильную звёздочку возле имени отца.

— Она услышала наш разговор, — сказал Даниэль. — Она узнала, что город придёт за тобой. И пришла к лестнице раньше назначенного часа.

— Девятилетний ребёнок сам решил заменить меня?

— Я не просил её. Никто не должен был просить. Она принесла игрушечный кораблик и сказала, что если город умеет менять будущее, пусть возьмёт её будущее, а твоё оставит тебе.

Марта опёрлась ладонью о стол. Вспомнились последние слова сестры: одну из нас они обязаны отпустить. Девочка не повторяла чужую страшилку. Она знала, какую сделку предлагает.

— Почему ты не рассказал мне этого у маяка?

Даниэль выдохнул.

— Потому что ты бы решила, что должна немедленно отдать себя взамен. Я видел это уже однажды. Я думал, что сумею удержать тебя от той же ошибки.

— А вместо этого снова выбрал за меня.

Он опустил голову.

— Да.

Библиотекарь терпеливо ждала. Затем раскрыла новую карточку.

— Запись о младшей дочери не является договором купли-продажи, — произнесла она. — Девочка предложила себя добровольно, но сделка о сохранении старшей дочери была отменена до принятия платы. Нерея удержала предложенное будущее как невостребованный вклад. Срок хранения истекает с последним приливом.

— Значит, она не была должна городу? — спросила Марта.

— Долг и власть над заложенным — разные вещи, — сказала женщина. — Жители наверху постоянно их путают.

Даниэль шагнул ближе.

— Если договор отменён, верните Лизу.

Библиотекарь подняла взгляд. Лампы на столах мигнули.

— Библиотека хранит записи. Решения выносит Архивариус. Его волю нельзя заменить моей. И помните: вернуть человека — не то же самое, что вернуть ему годы, которые он не прожил.

Марта вспомнила фотографию, на которой сестра оставалась девятилетней. Она представила взрослую Лизу, которая никогда не ходила в школу после третьего класса, не выбирала друзей, не переживала первой любви, не училась быть собой. Ей стало страшно не от возможности потерять сестру ещё раз, а от мысли, что она может встретить человека, совершенно непохожего на свои воспоминания.

— Я хочу увидеть её такой, какой она стала, — сказала Марта. — Не такой, какой мне удобно её помнить.

Впервые на лице библиотекаря проступило определённое выражение. Почти улыбка.

— Тогда вы задали первый правильный вопрос.

В дальнем конце зала зажёгся свет. Между книжными шкафами возник узкий проход. Слева на табличке было написано: «ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ». Справа: «ТО, ЧТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ».

— У каждой фамилии две страницы, — сказала женщина. — На одной прожитое. На другой возможное. Не путайте их. Ничто на второй странице не становится правдой только потому, что вы этого захотели.

Марта сделала шаг, но остановилась и протянула руку Даниэлю.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Ты не обязана…

— Я знаю. — Она кивнула на его повреждённое запястье. — И ты не обязан делать вид, что тебе не больно. Пока мы здесь, никаких новых долгов без моего ведома. Никаких решений вместо меня. Договорились?

— Договорились.

Он взял её руку не сразу. Пальцы его были холодными, зато прикосновение — удивительно осторожным. Марта вдруг поняла, что за последнюю ночь они оба несколько раз выбирали не доверять друг другу и всё-таки оставались рядом. Доверие, вероятно, и начиналось не с уверенности, что тебя никогда не обманут, а с возможности потребовать правду и услышать её.

Они пошли между шкафами вместе. За стеклянным потолком прошла огромная тень, и на мгновение весь зал затих, словно кто-то снаружи накрыл его ладонью. Марта сжала руку Даниэля крепче. В ответ он не пообещал, что всё будет хорошо. Лишь замедлил шаг, чтобы они вошли в темноту одновременно.

⁂

За дальними столами стояли шкафы с книгами, тонкими, как тетради. На корешках вместо названий значились имена. Марта нашла свою фамилию среди сотен других. В книге «Марта Ветрова» было две страницы: первая рассказывала о её настоящей жизни, вторая — о той, где Лиза никогда не исчезала.

На второй странице Марта умерла в двадцать семь. Она закрыла книгу прежде, чем прочитала причину. Даниэль нашёл собственный том, но все листы были вырваны. «Кто-то уже выбрал мою судьбу», — сказал он без удивления.

В каталоге имён Лиза числилась не пленницей, а «архивариусом последнего прилива». Рядом красными чернилами был указан срок: до рассвета. Марта сорвала лист каталога, но тот превратился в мокрую соль. За библиотечным столом возникла женщина без лица и произнесла: «Хранительницу нельзя вывести. Её можно только заменить».

⁂

Марта поставила свою книгу обратно на полку, но не сразу разжала пальцы. На обложке остался влажный отпечаток её ладони. Она подумала о второй странице, о собственной смерти в двадцать семь лет, и удивилась не страху, а тому, как быстро в ней проснулось желание узнать причину. Стоило увидеть чужую версию своей жизни — и настоящая уже казалась черновиком.

— Покажи мне, где твоя книга, — сказала она.

Даниэль стоял у соседнего стеллажа. В руках он держал тонкий том с неровно обрезанными листами. На корешке было его имя, однако половина букв потускнела, словно кто-то долго тёр их мокрой тряпкой.

— Ты всё равно ничего не прочтёшь.

— Тогда посмотрим вместе.

Он положил книгу на стол между двумя зелёными лампами. Марта ожидала увидеть вырванные страницы. Вместо этого обнаружила аккуратные прямоугольные прорези там, где должны были быть слова. Сквозь них просматривалась поверхность стола. Казалось, из его жизни вырезали не годы, а саму возможность рассказать о них.

— Кто это сделал?

— Я позволил, — ответил Даниэль. — Считал, что это разумная цена.

Марта подняла взгляд. Он не смотрел на неё, следя за слабой пульсацией света внутри лампы.

— За что?

— За надежду услышать голос Михаила ещё раз.

Имя прозвучало непривычно мягко. Марта вспомнила мальчика в зеркале: светлую прядь, серьёзное лицо, зелёное пальто на крючке в прихожей.

— Твой брат?

Даниэль кивнул.

— Он был младше меня на семь лет. Когда я болел, мать не подпускала его к постели. Ей казалось, что я могу заразить его даже своим страхом. Михаил всё равно приходил ночью, садился по другую сторону двери и рассказывал, что происходило за день. Про голубя со сломанным крылом. Про соседскую собаку. Про то, как он украл у пекаря две булки и вернул одну, потому что почувствовал себя преступником.

Даниэль улыбнулся едва заметно. Марта впервые увидела, как ему идёт эта улыбка, когда в ней нет ни защиты, ни усталой иронии.

— Он рассказывал до тех пор, пока я не засыпал. Говорил, что если не сможет меня вылечить, то хотя бы не даст мне умереть от скуки.

Марта молчала, боясь, что одно лишнее слово разрушит эту хрупкую минуту.

— После сделки матери я поправился, — продолжил он. — Но дома больше ничто не стало прежним. Мама быстро старела. Иногда утром она не помнила вчерашнего дня, а к

вечеру вспоминала события, которых ещё не было. Михаил решил, что это из-за меня. Что город взял слишком много и всё можно вернуть, если найти правильную дверь.

— Сколько ему было?

— Десять, когда он впервые попытался спуститься. Одиннадцать, когда ему это удалось.

Марта представила мальчика, которому не объяснили цену чудес, но позволили увидеть, как расплачивается его мать. Она почувствовала знакомый укол: Лизе тоже было девять, когда взрослые оставили её одну перед страшным выбором.

— Что с ним случилось?

— Я не знаю. Это и есть самое тяжёлое. В первый раз я искал его неделями. Потом годами. Однажды Архивариус предложил мне условие: я отдам страницы о собственном будущем, а мне покажут брата. Не вернут. Только покажут.

— И ты согласился.

— Конечно. — Даниэль произнёс это без гордости. — Я считал себя старшим братом. Это было последнее, что я ещё умел делать.

Марта перевела взгляд на вырезанные страницы. Ей хотелось спросить, видел ли он Михаила, но ответ угадывался в том, как он сжимал край стола.

— Тебе показали зеркало, — сказала она.

— Комнату с зеркалами. В каждом он был другого возраста. В одном — ребёнком. В другом — стариком. В третьем у него была дочь. Я провёл там ночь, пытаясь понять, какой из них настоящий. Когда вышел, не смог вспомнить лицо матери.

Марта ощутила холод под рёбрами.

— И всё же ты остался смотрителем.

— Не ради того, чтобы отдать городу ещё кого-нибудь. Я думал, если буду знать его правила, то сумею остановить следующую сделку. А потом пришёл твой отец. И я убедил себя, что ещё одна отсрочка — уже победа.

Он осторожно закрыл книгу. Пустые прорези исчезли под обложкой, как раны под одеждой.

— Я не прошу меня жалеть, Марта. И не прошу доверять только потому, что я потерял брата.

— Хорошо, — ответила она. — Потому что жалость и доверие — разные вещи.

Он наконец посмотрел на неё.

— Но я хочу знать, что ты сделаешь теперь, — продолжила Марта. — Если город покажет тебе Михаила у следующей двери, а мне — Лизу. И если для того, чтобы открыть одну дверь, нужно будет закрыть другую.

Даниэль долго не отвечал. За стеклянным потолком проплыла тень. Где-то в глубине библиотеки перевернулась страница, хотя никто не сидел за столами.

— Я боюсь, что снова сделаю неправильный выбор, — признался он.

— Я тоже.

Это оказалось проще сказать, чем она ожидала. На мгновение исчезло напряжение, с которым Марта держала его на расстоянии с самой первой встречи. Даниэль не был человеком, знающим все ответы. Он был человеком, который уже слишком дорого заплатил за ошибочные.

— Значит, будем выбирать не поодиночке, — сказала она. — И не обещать друг другу невозможного.

Он осторожно перевернул ладонь и положил её рядом с её рукой на столе, не касаясь.

— Я могу обещать говорить правду раньше, чем она станет удобной.

Марта накрыла его пальцы своими. Его кожа была холодной и сухой, но под ней бился ровный пульс. Она вспомнила мальчика Тима, красную нить, отданные Даниэлем годы, а затем — письма матери и отцовскую карточку. Всю её жизнь кто-то принимал решения от её имени, уверяя, что делает это ради любви.

— Тогда начни с этого, — попросила она. — Если увидишь Михаила, не уходи за ним один.

— Не уйду.

Марта не знала, можно ли верить клятвам в городе, где слова превращались в долговые расписки. Поэтому не потребовала ни рукопожатия, ни торжественного обещания. Только осталась рядом на несколько секунд дольше, чем было необходимо.

За дальним стеллажом послышался тихий шорох. Они одновременно повернулись. На корешке книги Даниэля проступила новая строка: «Свидетель присутствует». Ниже чернилами, ещё влажными, возникло имя Марты.

— Я ничего не подписывала, — сказала она.

— И не подписывай, — быстро ответил Даниэль. — Библиотека умеет записывать согласие. Но теперь она пытается записывать даже сочувствие.

Марта отдёрнула руку от книги, а не от него. Она достала из сумки карандаш, которым обычно помечала повреждения фотографий, и аккуратно перечеркнула появившуюся строку. Бумага сопротивлялась, как влажная кожа. Тогда она написала рядом: «Свидетель — не должник».

Буквы почернели и впитались в страницу. Новая запись исчезла.

Даниэль выдохнул так, будто только что удержал тяжёлую дверь.

— Этого раньше никто не делал.

— Может быть, никто не пробовал сказать «нет» на языке самой книги.

Их взгляды встретились. Марта вдруг почувствовала, как близко он стоит, и отступила на полшага не из страха перед ним, а потому, что место и время были неподходящими для того, что она начинала испытывать.

В конце прохода трижды стукнули в дерево. Стук был негромким и совершенно человеческим. Марта узнала его раньше, чем успела подумать: так Лиза просила открыть дверь детской, когда их мать укладывала её спать.

Она убрала карандаш в сумку. Даниэль посмотрел туда же.

— Пойдём, — сказала Марта. — Но сначала проверим, кто нас зовёт.

⁂

Первой Марта заметила не ручку шкафа, а крошечную царапину над замочной скважиной. Кто-то много раз пытался открыть дверцу острым предметом. Дерево вокруг было иссечено, словно зубами маленького зверя.

— Здесь держали людей? — спросила она.

— Здесь держат их последние просьбы, — ответил Даниэль. — Иногда голос остаётся после того, как человек перестаёт его произносить.

За стеклом шкафа виднелись несколько одинаковых серых конвертов. На одном, самом нижнем, Марта различила собственную фамилию. «ВЕТРОВА». Буквы были напечатаны на выцветшей бумаге так ровно, будто служащий не знал, что может значить эта фамилия для тех, кто придёт за нею спустя много лет.

— Ты ведь говорила, что не забудешь меня, — снова позвал Лизин голос.

Марта прижала ладонь к прохладному стеклу. Ей хотелось поверить, что между нею и сестрой всего несколько миллиметров. Достаточно повернуть ключ, прижаться к маленькому лицу и произнести все слова, которых не хватило тогда, на лестнице. Она уже видела, как дрожат Лизины губы, хотя за стеклом никого не было.

— В детстве у нас была игра, — сказала Марта, заставляя себя говорить спокойно. — Мы придумывали друг другу тайные имена. Тебя я называла Капитаном Железным Клювом. Как ты называла меня?

— Марточка, — немедленно ответил голос. — Ты была моей большой сестрой.

Ответ оказался слишком правильным и потому неверным. Лиза никогда не выбирала ласковых имён. Она называла Марту «Адмирал Селёдка» и требовала, чтобы та представлялась так даже перед гостями. Однажды Марта расплакалась от стыда, а Лиза неделю собирала для неё ракушки в знак извинения.

— Неплохо, — сказала Марта. — Но в следующий раз выучи детство лучше.

Внутри шкафа что-то ударило в стекло с такой силой, что на нём побежала тонкая белая трещина.

— Ты не имеешь права! — выкрикнул уже незнакомый голос, хриплый, сиплый. — Ты пришла за тем, что тебе не принадлежит!

Даниэль встал между Мартой и дверцей. Она заметила, что на его запястье вновь потемнела старая полоска, оставленная красной нитью. Город отзывался на его присутствие, будто узнал человека, которому давно выдал счёт.

— Не защищай меня от каждого звука, — тихо сказала Марта. — Если ты пострадаешь, потому что я решила не слушать тебя, мы оба окажемся в той же ловушке.

— Я защищаю не тебя от шкафа. Я защищаю шкаф от тебя, — ответил он с неожиданно живой усталой улыбкой. — Ты сейчас готова разнести половину библиотеки.

Марта хотела возразить и не смогла. Он был прав. Её ярость так долго не имела адреса, что любой предмет, связанный с исчезновением сестры, казался достойной мишенью.

В конце зала на подставке стояла книга посетителей. На обложке не было названия, только отпечаток ладони, продавленный в потемневшей коже. Даниэль отказался прикасаться к ней, но Марта заметила ряд карточек, лежавших сбоку, словно незаконченный каталог.

На первой значилось: «ВОЗВРАТ: ИМЯ».

На второй: «ВОЗВРАТ: ВРЕМЯ».

На третьей: «ВОЗВРАТ: ПРАВО ОТКАЗА».

Последняя карточка была пустой, если не считать едва заметной отметки красным карандашом. Марта поднесла её к свету. На обороте обнаружился адрес: «Палата наблюдения № 4. Через служебную лестницу».

— Палата? — переспросила она. — Значит, здесь была больница?

— Морозов начинал с больницы, — сказал Даниэль. — В то время он ещё называл сделки лечением. Люди охотнее открывают дверь, если на ней написано «помощь».

Марта вспомнила слова Тима о матери, которая наконец-то улыбалась. Сколько людей входили сюда уверенные, что получают спасение, и сколько возвращались с пустотой вместо той боли, от которой их избавили? Может ли человек согласиться на цену, если ему рассказывают только о выгоде?

В коридоре за библиотекой пахло спиртом, мокрой известью и чем-то сладким, похожим на гнилые груши. Свет загорался не впереди них, а позади, оставляя каждый следующий поворот в темноте. Марта шла осторожно, держась рукой за стену. От влажной штукатурки на ладони оставался серый след.

— Расскажи мне про Морозова, — попросила она. — Не то, что он обещал людям. Что он сделал в самом начале?

Даниэль не сразу ответил. Его шаги звучали тихо, будто пол поглощал звук прежде, чем тот успевал разнестись.

— Он лечил моих ровесников. Детей с заболеваниями, от которых не было лекарств. Некоторые действительно выздоравливали. Сначала он требовал у родителей только воспоминания: голос их матери, первый день в школе, запах дома. Он утверждал, что прошлое уже случилось и потому ничего не стоит.

— Но потом выяснилось, что прошлое нельзя вытащить, не зацепив будущее.

— Да. Человек, забывший, как его обнимали, иначе обнимал собственных детей. Женщина, отдавшая память о любви, могла остаться рядом с мужем, но переставала понимать, зачем он ей нужен. А Морозов называл это побочным эффектом.

Они остановились перед дверью с матовым стеклом. Под ним кто-то написал мелом: «НЕ ЗОВИТЕ ИХ ПО ИМЕНИ». Мел был свежим. На полу под дверью лежала детская варежка, голубая, с оторванной пуговицей.

Марта присела и подняла варежку за кончик. Внутри оказалась записка, скатанная в узкую трубочку. На бумаге неровным почерком было выведено: «Если мама забудет меня, скажите, что я всё равно её сын».

— Тим, — прошептала Марта.

— Не обязательно его, — сказал Даниэль. — Нерея умеет повторять чужую боль.

— А если это его записка, нам нельзя просто оставить её здесь.

Она спрятала бумагу в сумку рядом с фотографией. Это не было сделкой. Она ничего не просила у города и не обещала ему. Она просто унесла слова ребёнка туда, где их могли прочитать.

За дверью обнаружилась палата с шестью железными кроватями. На одной лежал складной метр, на другой — кукла без глаз. Возле каждой стояла табличка с двумя датами. Под первой было написано «было», под второй — «могло быть».

Марта подошла к последней кровати. Табличка гласила: «Л. ВЕТРОВА. ДЕВЯТЬ ЛЕТ. НАБЛЮДЕНИЕ НЕ ЗАВЕРШЕНО».

Ей стало дурно. Девятнадцать лет они с матерью жили так, будто отсутствие тела означало отсутствие ответа. А здесь кто-то аккуратно записал девять лет, словно речь шла о росте и весе ребёнка.

— Почему девять? — спросила она. — Почему она не выросла хотя бы здесь?

— Потому что Морозов удерживает момент выбора, — ответил Даниэль. — Он не умеет возвращать время. Он умеет заставлять его снова и снова приходить к одной двери.

В изголовье кровати стоял магнитофон. Старый, двухкассетный, с серой кнопкой воспроизведения. Марта нажала на неё прежде, чем Даниэль успел её остановить.

Из динамика донёсся шорох плёнки, а затем детский голос, уже не похожий на голос из шкафа.

— Меня зовут Лиза Ветрова. Сегодня среда. Я не боюсь темноты. Мама говорит, что смелым девочкам всё можно, но это неправда. Мне нельзя возвращаться домой, пока не найдут другой способ.

Плёнка заскрипела. Послышались шаги и глухой голос мужчины:

— Кто велел тебе это записывать?

— Никто. Я хочу, чтобы Марта знала: я не ушла потому, что её не люблю.

Марта вцепилась в край кровати. Она знала, что голос можно подделать. Но этот голос дышал, сбивался и упрямо произносил длинное «р» так, как Лиза училась произносить его перед школой. Ужаснее всего было не сходство. Ужаснее — неуверенность, с которой маленькая девочка пыталась быть взрослой.

— Там есть дата? — спросила Марта, едва слышно.

Даниэль проверил кассету. На бумажной наклейке стояло «Запись 19. Не заменять».

— Я не буду говорить, что она настоящая, — сказал он. — Пока мы не узнаем, кто её записал.

Марта посмотрела на него. За все эти часы он впервые предложил ей не веру, не утешение, а сомнение, которое они могли разделить. И именно за это ей захотелось подойти ближе.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не сказал: «Видишь, она жива». Я бы поверила. А потом ненавидела бы тебя за это.

Он осторожно снял кассету, не порвав бумажную наклейку, и протянул её Марте. На мгновение их пальцы соприкоснулись. В обычном мире такое прикосновение ничего бы не значило. Здесь же, среди кроватей и записей о чужих жизнях, оно показалось обещанием, которого никто не требовал.

В дальнем углу загорелась лампа. Под ней обнаружилась стена, покрытая фотографиями детей. У каждого ребёнка на груди висел номер. Несколько лиц были перечёркнуты, а под снимками карандашом стояло одно и то же слово: «возвращён».

Марта увидела снимок маленького Даниэля. Рядом — фотографию мальчика с таким же разрезом глаз. Михаил. На его снимке вместо отметки «возвращён» стояло: «ОСТАВЛЕН КАК СВИДЕТЕЛЬ».

— Даниэль, — сказала она.

Он подошёл к стене и замер. Не потянулся к фотографии и не произнёс имени брата. Марта увидела, что он пытается сделать то, чему учил её всю дорогу: не отвечать, пока не поймёт, кто зовёт.

Под фотографией Михаила лежал листок с подписью Аркадия Морозова. «Дело открыто до завершения сделки Ветровых. Свидетель не может быть освобождён, пока не установлен получатель выгоды».

— Значит, Михаил здесь не из-за твоей ошибки, — сказала Марта. — По крайней мере, не только из-за неё. Его удерживают как доказательство.

Даниэль взял листок, но не стал прятать. Прочитал ещё раз, медленно и внимательно, словно боялся, что при повторном чтении слова изменятся.

— Если он свидетель, — произнёс он наконец, — значит, существует то, что он видел.

— И то, что Морозов не хочет показывать.

С улицы донёсся первый далёкий удар колокола. Свет в палате мигнул. На стекле двери проступили влажные отпечатки маленьких ладоней — десятки, одна поверх другой.

— Прилив, — сказал Даниэль. — Нужно идти.

Марта положила кассету рядом с запиской Тима. Потом вынула из сумки карандаш и на свободном обороте больничной карточки написала: «Ни одна чужая жизнь не может быть платой за мою». Она оставила карточку на кровати Лизы.

На обратном пути дверь палаты уже не открывалась внутрь. Она вела в узкий коридор с часами, застывшими на разных минутах. В его конце светилась красная надпись: «АРХИВАРИУС ПРИНИМАЕТ ПОСЛЕДНЕГО ПОСЕТИТЕЛЯ».

— Не последнего, — сказала Марта. — Нас двое.

— Может быть, в этом и есть его ошибка, — ответил Даниэль.

И они пошли вместе.

⁂

За дверью с красной надписью не оказалось ни Морозова, ни секретаря. Там стоял стол, накрытый белой скатертью, и два стула. На столе лежала папка, перевязанная такой же красной нитью, какую Даниэль когда-то носил на запястье. Стрелки часов на стенах коридора оставались неподвижными; здесь же маленькие настольные часы шли, но секундная стрелка двигалась против привычного направления.

— Он хочет, чтобы мы сели, — сказала Марта.

— Тогда не будем.

Даниэль подошёл к столу, не касаясь его. Откуда-то из стены доносился звук воды, тихий и равномерный, словно за ней работал насос. Марта заметила на столешнице две выцветшие отметки: одна была на высоте детской ладони, другая — заметно выше. Кто-то годами измерял здесь рост ребёнка.

На папке значилось: «Дело Ветровых. Согласие не установлено».

— Странно, — сказала Марта. — Во всех записях Морозов ведёт себя так, будто сделка уже заключена. А здесь прямо написано, что согласия не было.

— Для него это не противоречие. Он привык считать молчание согласием.

Она развязала нить кончиком карандаша. На первом листе был нарисован план бухты Семи Ветров. От дома её родителей к каменной лестнице тянулась тонкая линия, помеченная цифрами «17—23». Под планом стояла дата исчезновения Лизы. Рядом — подпись отца. Но в графе «получатель» рукой другого человека было выведено: «Не определён».

— Отец не подписывал передачу Лизы, — произнесла Марта. — Он подписывал что-то другое.

Даниэль прочитал следующий лист. Его лицо стало напряжённым.

— Он просил вернуть тебе будущее, которое, по словам Морозова, ты потеряешь.

— Какое будущее?

Даниэль не ответил. Вместо этого протянул ей медицинское заключение. На бумаге говорилось о редкой болезни, якобы обнаруженной у Марты в шестнадцать лет. Диагноз был напечатан уверенным канцелярским языком. Под ним стояли фамилия врача и печать клиники, которой давно уже не существовало.

Марта вспомнила ту осень. Усталость после школы. Несколько обмороков. Мать, которая водила её на обследования и уверяла, что врачи ничего серьёзного не нашли. Через месяц всё прошло. В семье перестали об этом говорить.

— Меня лечили? — спросила она.

— Возможно, — осторожно сказал Даниэль. — Но Морозов записал диагноз сам. Нельзя верить ему лишь потому, что у него есть бланк.

Марта долго смотрела на бумагу. Она привыкла представлять отца человеком, который всегда знал правильный ответ. Ей было легче ненавидеть его за очевидную сделку, чем признать, что он мог испугаться, ошибиться и уже потом понять, у кого попросил помощи.

— Если он хотел спасти меня, почему забрали Лизу?

Даниэль перевернул страницу. В графе «поручитель» стояло имя младшей сестры. Не подпись взрослого — корявые буквы, похожие на Лизины школьные упражнения. Ниже красными чернилами была сделана пометка: «Несовершеннолетняя сторона. Договор недействителен до повторного подтверждения».

— Вот почему она остаётся девятилетней, — тихо сказал он. — Нерея удерживает тот миг, когда ребёнок не мог дать согласие. Морозову нужен кто-то, кто подтвердит сделку за неё.

Марта ощутила дурноту, но не отвела глаз.

— Он хочет, чтобы это сделала я.

— Или твоя мать. Или любой, кого Лиза любила настолько, что тот согласится на условия, не прочитав их.

Тихий звук воды за стеной прекратился. Снаружи послышался скрип колёс. К столу подъехала тележка, хотя в комнате никто не открывал дверь. На ней стояли два стакана воды и тарелка с тонко нарезанными яблоками.

— Он помнит, — сказала Марта.

— Что?

— Лиза боялась больничных палат. Когда она лежала с температурой, мама резала яблоки вот такими ломтиками. Это было единственное, что Лиза соглашалась есть.

Даниэль забрал тарелку с тележки, но не взял ни кусочка. Он поставил её на пол у стены.

— Не ешь то, что здесь предлагают.

— Я и не собиралась. — Марта присела перед тележкой. На нижней полке лежала ещё одна карточка. — Посмотри.

На карточке были две колонки: «Возвращение сестры» и «Срок обязательства». Во второй колонке вместо числа стояло одно слово: «Всегда».

Марта рассмеялась. Смех вышел чужим и резким.

— Вот и цена. Не годы, не память, не чужое детство. Он хочет, чтобы я осталась здесь вместо неё навсегда.

— Если подпишешь, — сказал Даниэль.

— А если не подпишу, Лиза останется.

— Возможно. Мы ещё не видели саму Лизу. Мы знаем только то, что хочет показать нам Морозов.

Она поднялась. Даниэль стоял так близко, что мог бы коснуться её плеча, но не делал этого. Несколько часов назад Марта восприняла бы его сдержанность как холодность. Теперь понимала: он оставлял решение за ней даже тогда, когда сам боялся его последствий.

— Ты ведь знаешь, что я не смогу уйти, пока не пойму, жива ли она, — сказала Марта.

— Знаю.

— И всё равно идёшь со мной.

— Да.

— Почему?

Он посмотрел на собственную руку, где под кожей проступала тёмная полоса старой клятвы.

— Потому что однажды я решил за брата. Сказал себе, что знаю, чего он хочет. И потерял его. Я больше не собираюсь называть любовью решение, которое принял вместо другого человека.

Марта помолчала, затем осторожно взяла его за руку. Она не просила его обещать, что всё закончится хорошо. Такое обещание в Нерее стоило бы слишком дорого.

— Тогда не решай за меня, — сказала она. — Но когда я начну делать глупости, спорь со мной.

— Это я умею.

— Уже заметила.

Они улыбнулись почти одновременно, и на короткую секунду комната перестала быть ловушкой. Даниэль провёл большим пальцем по костяшке её пальца. Марта почувствовала, насколько холодна его кожа. Не только от сырости: словно часть тепла всё время оставалась по другую сторону невидимой двери.

Между ними было всего несколько сантиметров. Марта могла бы сделать шаг. Ей хотелось это сделать. Но именно тогда на столе щёлкнули часы.

Секундная стрелка пошла вперёд.

Под белой скатертью появился новый лист. На нём было написано: «Л. Ветрова может говорить от своего имени в комнате наблюдения. Срок действия свидетельства — до первого прилива».

— Значит, у нас есть способ услышать её, — сказала Марта.

— И очень мало времени.

Они не взяли предложенные стаканы и не сели на приготовленные стулья. Марта сложила копии листов в сумку, оставив на столе оригинал с пустой строкой для подписи. На пороге она ещё раз оглянулась.

Вода в стаканах поднялась почти до краёв, хотя их никто не касался. На гладкой поверхности проступило лицо девятилетней девочки. Лиза беззвучно шевельнула губами.

Марта не ответила. Вместо этого достала карандаш и написала на обороте своей ладони три слова: «Проверить. Услышать. Спросить».

Даниэль прочитал их и кивнул.

В конце коридора загорелась зелёная лампа. Под ней открылась дверь в узкую лестничную клетку. Где-то наверху слышался гул моря, а внизу — ровное дыхание человека, который ещё не знал, что к нему идут.

Они выбрали лестницу вниз.

⁂

Аркадий Морозов встретил их в пустой операционной. Он выглядел не старше сорока, хотя на плёнках девятнадцатилетней давности уже был седым. Вокруг стояли часы, механизмы которых заменяли хирургические инструменты.

«Людям не нужен другой мир, — сказал он. — Им нужен второй шанс». Морозов начинал как врач, пытавшийся спасать детей, которых медицина не могла спасти. Он научился переносить неслучившиеся исходы из Нереи в реальность, но каждый спасённый год должен был быть взят из другой жизни.

— Вы крадёте будущее, — сказала Марта.

— А вы не украли бы его ради сестры?

Он предложил вернуть Лизу ребёнком, прямо в ночь исчезновения. Марта увидела перед собой девочку с корабликом и шагнула вперёд. Но девочка отбрасывала две тени. Настоящая Лиза отбрасывала одну. Марта отвернулась. Морозов улыбнулся: «Вы уже научились говорить нет. Посмотрим, надолго ли».

Даниэль рассказал, что ещё ребёнком едва не умер от болезни. Его мать заключила с Морозовым первую сделку: отдала часть собственных непрожитых лет, чтобы сын выжил. Однако спасение не освободило его от Нереи. Много лет спустя, уже после исчезновения Лизы, Сергей Ветров пытался найти младшую дочь и помог Даниэлю выбраться из города. За право провести его через закрытую дверь Сергей отдал часть воспоминаний о Лизе. Это была другая сделка — не та, с которой началось дело о болезни Марты и в которой Морозов позднее подделал подпись девятилетней поручительницы.

— Значит, отец помог тебе вернуться, — тихо сказала Марта.

— Да. Он дал мне возможность уйти. А я слишком долго думал, что обязан расплатиться за это чужими судьбами.

Он показал шрам на запястье: красная нить легла точно поверх тонкой белой полосы. Такой же нитью Сергей вывел его из Нереи много лет назад. Марта не знала, как относиться к человеку, которому помог её отец, но понимала: чужая помощь не делает спасённого вечным должником. — Долг не даёт тебе права решать за меня, — сказала она. Даниэль кивнул и отпустил её руку.

По рельсам, уходившим к затонувшей станции, прошёл поезд без машиниста. Вагоны были освещены, за окнами сидели люди, которых Марта узнавала по семейным альбомам. В последнем вагоне стоял отец. Он был старше, чем в день смерти, и держал в руках пустую фоторамку.

Марта бросилась к двери, но отец отрицательно покачал головой. Через стекло она прочла по губам: «Я не здесь». Поезд ушёл в темноту, оставив на платформе запах горячего железа и страницу из дневника Сергея.

На странице отец признавался, что Нерея умеет подделывать не только лица, но и утешение. «Если увидишь меня, — писал он, — вспомни: любящий человек не просит живых умереть ради встречи». Марта сложила лист и поняла, что впервые за годы смогла вспомнить отца без обиды. Даниэль, стоявший рядом, ничего не сказал; его молчание оказалось бережнее любых слов.

Они нашли двойник родительского дома на улице, которой не существовало на карте. За второй дверью Марта услышала собственный смех — счастливый, лёгкий. Там, за порогом, шестнадцатилетняя Марта не отпустила Лизу в ночь шторма. Сёстры выросли вместе. Но каждое зеркало в том доме отражало пустую кровать взрослой Марты.

Лиза из альтернативной жизни подошла к двери. Ей было двадцать восемь, она носила очки и говорила уверенно. «Я настоящая настолько, насколько ты в меня веришь», — произнесла она. Марта увидела на её руке отсутствие маленького шрама, который у сестры остался после падения с велосипеда.

Она закрыла дверь. Изнутри раздался удар, затем второй, третий. В этот раз Марта не обернулась. «Ты ищешь живую сестру, а не возможность перестать жалеть себя», — сказал Даниэль. Марта ответила, что эти вещи труднее разделить, чем он думает.

⁂

Они вышли из дома, который мог бы стать их настоящим, через дверь чёрного хода. В Нерее эта дверь выходила не во двор, а на узкую улицу с молочными окнами. Ни в одном окне не было отражения. Марта оглянулась и увидела, что дом исчез. На его месте стояла глухая кирпичная стена, влажная от морского тумана.

— Ты знал, что так будет? — спросила она.

— Знал, что дом попытается тебя удержать. Не знал, что он покажет.

— Ты говоришь так, будто у города есть собственные желания.

Даниэль достал из кармана часы. Стрелки двигались против часовой стрелки, хотя секунды на циферблате прибавлялись. Он закрыл крышку.

— Желаний нет. Есть привычки. Нерея научилась угадывать, о чём люди жалеют, потому что Морозов годами кормил её сожалением. Если каждую ночь приносить к порогу хлеб, рано или поздно там начнут ждать хлеба. Даже если за дверью никто не живёт.

Сравнение было слишком домашним для города, где под водой горели фонари и чужие жизни стоили как товары. Марта хотела возразить, но вспомнила пустую кровать в зеркале. В альтернативном доме Лиза выросла, а сама Марта, возможно, не пережила ту ночь. Город не солгал — он просто не показал цену сразу.

— Ты сказал, что мы ищем мою сестру, а не облегчение, — произнесла она. — А если я уже не понимаю, где между ними граница?

— Тогда не переходи её одна.

Он ответил просто, без обещания спасти её или исправить сделанное. Марта поймала себя на том, что впервые за весь день ей не хочется спорить.

Они свернули под арку, на которой вместо вывески висели три медных колокольчика. Каждый звенел с опозданием: сначала дрожал воздух, потом раздавался звук. За аркой тянулись прилавки. На них лежали не яблоки и рыба, а запечатанные конверты, ключи, детские ботинки, крошечные стеклянные сосуды с каплей дождя внутри.

У первого прилавка пожилой мужчина считал монеты. Рядом стояла молодая женщина и прижимала к груди шерстяной шарф.

— Я верну ему день рождения, — говорила она. — Только один. Он никогда не узнает, чего я лишилась.

Торговец протянул ей перо. Даниэль остановился в нескольких шагах и тихо сказал Марте:

— Смотри на то, что написано мелко.

На табличке у прилавка значилось: «Возвращение одного счастливого дня. Оплата — последнее узнавание». Женщина прочитала первые слова и уже тянулась к перу. Марта заметила, что её пальцы дрожат.

— Что такое последнее узнавание? — спросила Марта громко.

Торговец поднял глаза. Они были серыми, как вода подо льдом.

— Дело между продавцом и покупателем.

— Она отдаст воспоминание о человеке?

— Нет, — ответил он с неприятной учтивостью. — Самый последний миг, когда узнает его в лицо. С возрастом это всё равно случается. Мы лишь берём то, что никому не принадлежит наверняка.

Женщина выронила перо.

— Мой сын жив, — прошептала она. — Он просто не помнит детства после аварии. Я хотела вернуть ему наш последний праздник.

— А взамен однажды посмотрите на него и не узнаете, — сказала Марта. — Не потому, что состаритесь, а потому что согласились сейчас.

Торговец захлопнул книгу. Прилавок дрогнул; стеклянные сосуды зазвенели. Даниэль положил ладонь Марте на локоть, но не потянул её прочь.

— У неё есть право знать, — сказал он торговцу.

— У неё есть право желать, — возразил тот.

— Одно не отменяет другого.

Женщина прижала шарф к лицу. Некоторое время она стояла неподвижно, потом вернула перо на прилавок и ушла, так и не назвав имени сына. Марта не почувствовала победы. Она не вернула женщине потерянные годы и не исправила чужую беду. Она только оставила ей возможность решить самой.

Торговец смотрел вслед покупательнице с выражением человека, у которого украли законный заработок.

— Вы мешаете порядку, — сказал он Марте. — Порядок запоминает лица.

— Тогда пусть запомнит, — ответила она и сразу пожалела о сказанном.

Даниэль отвёл её в переулок. За поворотом они остановились возле фонтана без воды. Вместо воды в чаше стояли сложенные один на другой осколки зеркал. В каждом отражался разный возраст одного и того же мужчины: ребёнок, юноша, старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.